

*Е. С. Сенявская,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН*

ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ И НА ЗАПАДЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям формирования исторической памяти о Первой мировой войне 1914–1918 гг. в России (СССР) и странах Запада в XX столетии. Рассматриваются значение героических символов, отражение войны в официальной и народной памяти, в художественной литературе «потерянного поколения», вопрос о роли исторической памяти о Великой войне в контексте идеологии и политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, историческая память, героические символы, ретроспективная пропаганда, влияние политических элит, культурная фиксация военного опыта, литература «потерянного поколения».

E. S. Senyavskaya

MEMORY ABOUT THE WORLD WAR FIRST IN THE WEST AND IN RUSSIA: HISTORICAL FEATURES AND WAYS OF FORMATION

Summary: The article is devoted to the features of formation of historical memory of the First World War 1914–1918 in Russia (the USSR) and the West countries in XX century. Value of heroic symbols, war reflection in official and national memory, in fiction of «the lost generation», a question on a role of historical memory on the Great War in context of ideology and policy are considered.

Keywords: World War, historical memory, heroic characters, retrospective propaganda, the influence of political elites, cultural fixation costs of the military experience, the literature of the “lost generation”.

Отношение к войне в России: от патриотизма к нигилизму

Первая мировая война 1914–1918 гг. буквально потрясла мировое общественное сознание, явилась психологическим стрессом для всей современной цивилизации, показав, что весь достигнутый людьми научный, технический, культурный и якобы нравственный прогресс не способен предотвратить мгновенное скатывание человечества

к состоянию кровавого варварства и дикости. 1914 г. открыл дорогу войнам новой эпохи, в которой проявились «невиданная до тех пор массовая и изощренная жестокость и гекатомбы жертв» после «относительно благонравных» войн XVIII и XIX столетий, когда все еще сохраняли свою силу «традиции рыцарского благородства и воинского великодушия»... «В кровавой бойне отныне были попораны все законы морали и нравственности, в том числе воинской. Людей травили газами, втихомолку подкравшись, топили суда и корабли из-под воды, топили и сами подводные лодки, а их экипажи, закупоренные в отсеках, живыми проваливались в морские бездны, людей убивали с воздуха и в воздухе, появились бронированные машины — танки, и тысячи людей были раздавлены их стальными гусеницами, словно люди эти и сами были не людьми, а гусеницами. Такого, да еще в массовом масштабе, не происходило в любых прежних войнах, даже самых истребительных»¹.

Как же это поистине грандиозное событие начала XX столетия закрепились в исторической памяти последующих, не столь уж многочисленных (к XXI в.) поколений? Каким запомнилось в разных странах, принадлежавших в той войне к противоборствующим коалициям? В чем особенности его восприятия в России и на Западе?

Начнем с того, что в условиях войны особое значение имеет моральный дух армии, в формировании которого важную роль играет совокупность факторов: убежденность в справедливом характере войны, вера в способность государства отразить нападение врага при всех трудностях и даже временных неудачах, наличие духовных и нравственных ценностей, ради которых солдаты готовы отдать свою жизнь. «Высокое моральное состояние войск, — отмечает английский военный психолог Норман Коупленд, — это средство, способное превратить поражение в победу. Армия не разбита, пока она не прониклась сознанием поражения, ибо поражение — это заключение ума, а не физическое состояние»².

Идеологическая и психологическая составляющие в любой войне теснейшим образом взаимосвязаны. Целью любой войны является победа, а достичь ее невозможно без определенного морально-психологического состояния населения страны в целом и ее армии в особенности. При этом и народ, и армия должны быть убеждены прежде

---

¹ Семанов С. Н. Предисловие // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 8.

² Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. С. 22.

всего в своем моральном превосходстве над противником и, разумеется, в конечной победе над врагом. Всё это относится не только к умонастроениям, но и к области собственно массовых настроений, чувств народа. Однако, как можно заметить, смысловое содержание этих психологических явлений принадлежит к сфере идеологии. Поэтому любая морально-психологическая подготовка к войне, а также обеспечение определенного морального духа в ее ходе осуществляются прежде всего идеологическими средствами и инструментами.

Важнейшим среди них является пропаганда официальной мотивации войны. Каждая война имеет свое идеологическое оформление, своеобразную идеологическую мотивацию, которая может выражаться как в официальном определении войны высшими политическими и идеологическими институтами, так и в непосредственных лозунгах, используемых в пропагандистской работе в войсках. Почти каждая из войн, в которых участвовала Россия (СССР) в XX в., имела такую официальную мотивацию, а некоторые даже символические определения, закрепившиеся в памяти народа и в официальной истории. Неопределенность такой мотивации или ее непонятность народным массам, неадекватность их умонастроениям нередко становились факторами поражения в войне.

Так, просто катастрофическими оказались результаты недоучета русским правительством роли идеологического фактора в Первой мировой войне. Хотя пропагандистский аппарат предпринимал немалые усилия для возбуждения патриотических и антигерманских настроений в стране и в армии, его работа оказалась недостаточно эффективной.

Действительно, в самом начале войны правительству удалось обеспечить общий патриотический подъем (который в дальнейшем оппозиционная, прежде всего революционная пресса, назвала «патриотическим угаром»). Впрочем, это вовсе не было спецификой России. «Никогда, пожалуй, за всю историю мировых злодейств не расцветала так открыто и так нагло социальная демагогия, как в начале Первой мировой войны. Все средства тогдашней пропаганды истошно заголосили вдруг о родине, свободе, защите отечества, о миролюбии и гуманности... Осенью 1914-го большинство немцев, русских, французов и англичан были твердо убеждены в том, что именно на их страну напал враг, что их страна — невинная жертва агрессии»³.

---

³ Первая мировая. М., 1989. С. 8–9.

Армейское командование находило в целом адекватные формулы для мотивации участия России в войне, подчеркивая справедливый и оборонительный ее характер, ориентируя войска на победу, опираясь при этом на славные боевые традиции русской армии, в том числе и на победоносный опыт в борьбе с собственно немецким противником. Так, подобная мотивировка присутствует в приказе № 1 главнокомандующего войсками Северо-Западного фронта генерала Я. Г. Жилинского от 20 июля (2 августа) 1914 г.: «20 июля 1914 г. Германия объявила России войну и открыла уже военные действия. Мы должны отстоять нашу родину и честь нашего оружия. Не в первый раз приходится нашим войскам воевать с немцами; они испытали наше оружие и в 1757 г., и в 1812 г., причем всегда мы оставались победителями. Убеден, что вверенные мне войска проявят присущую им доблесть в наступившую войну и, как всегда, честно и самоотверженно выполняют свой долг»⁴.

Однако мотивировка эта, как видно даже из приведенного выше документа, была, как правило, слишком общей, абстрактной и не вполне понятной для основной массы населения и армейских низов, состоявших в основном из неграмотного или малограмотного крестьянства. Можно привести еще пример образчика такой пропаганды целей России в войне, присутствующей в другом приказе — по 2-й армии от 4 июня 1915 г.: «В настоящей войне с вековым врагом славянства — с немцем, мы защищаем самое великое, что только когда-либо могли защищать, — честь и целостность Великой России»⁵.

Подобная абстрактность в сочетании с высокопарностью явно не могла затронуть ни ум, ни сердце малообразованного, но прагматичного крестьянина, плохо представлявшего себе не только умозрительные понятия «о чести и величии России», но и не имевшего представления о таких более конкретных категориях, как славянство, Германия, Австро-Венгрия и их взаимоотношения между собой и Россией. Обо всех этих проблемах, упиравшихся не только в неэффективность пропагандистского аппарата империи, но и в конечном счете в глубочайшую пропасть между менталитетом государственной элиты и основной массы населения, в том числе и рядового состава армии в Первой мировой войне, написал в своих мемуарах генерал А. А. Брусилев. Сетя на то, что техническое оснащение русских войск было значительно хуже, чем у противника, он отмечал: «Еще хуже была у нас подготовка

⁴ Восточно-Прусская операция : сб. документов. М., 1939. С. 77.

⁵ Лемке М. 250 дней в царской ставке // Первая мировая. М., 1989. С. 401.

умов народа к войне. Она была вполне отрицательная... Моральную подготовку народа к неизбежной европейской войне не то что упустили, а скорее не допустили». Далее он свидетельствует о полном непонимании народными массами причин и целей войны: «Даже после объявления войны прибывшие из внутренних областей России пополнения совершенно не понимали, какая это война свалилась им на голову, — как будто бы ни с того ни с сего. Сколько раз я спрашивал в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы — не знал почти никто, что такое славяне — было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать — было совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т. е. по капризу царя. Что же сказать про такое пренебрежение к русскому народу?!»⁶

И наконец, А. А. Брусилов делает неутешительный вывод о причинах отсутствия в народных низах чувства патриотизма: «Можно ли было при такой моральной подготовке к войне ожидать подъема духа и вызвать сильный патриотизм в народных массах?! Чем был виноват наш простолюдин, что он не только ничего не слышал о замыслах Германии, но и совсем не знал, что такая страна существует, зная лишь, что существуют немцы, которые обезьяну выдумали, и что зачастую сам губернатор — из этих умных и хитрых людей. Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим Отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»⁷.

Патриотическая пропаганда того времени, по признанию многих современников, была малоэффективна и почти не действовала собственно на солдат. Однако попытки такого воздействия, безусловно, имели место, о чем свидетельствуют хотя бы названия выпускаемых в то время пропагандистских брошюр: «Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян» (1914), «Почему Россия не может не победить Германию» (1914), «Как воюем мы и как воюют немцы» (1914), «Что делают немки, когда немцы воюют» (1915), «Россия борется за правду» (1915), «Война за правду» (1915),

⁶ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963. С. 81–83.

⁷ Там же. С. 83.

«О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца» (1915), «Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью» (1916) и т. п.⁸ Уже в самих этих заголовках заметны и основные направления этой пропаганды (объяснение причин, целей и характера войны, формирование образа врага, призывы к исполнению воинского долга), и эволюция ее методов — от возвышенных обращений и абстрактной риторики в начале войны до предостережений и прямых угроз на ее завершающих этапах, когда у солдатской массы накопилась усталость от войны, усилились антивоенные настроения, падала дисциплина и нарастала угроза разложения армии. Интересно, что русские пропагандисты попытались нащупать те струны народного сознания, которые могли отозваться на соответствующее воздействие. Низкий образовательный уровень, культурная ограниченность, зачастую даже мировоззренческая примитивность солдат требовали адекватных форм обращения к личному составу армии: простоты идей, близких народному сознанию понятийных категорий, упрощенной лексики, разговорного языка. Надо отметить, что, несмотря на то что в начале века идеологические инструменты обработки массового сознания еще не получили такого мощного развития, как в последующие десятилетия, военным идеологам-пропагандистам русской армии удалось найти некоторые эффективные приемы и адекватные формы, которые, однако, не получили достаточно широкого распространения. Например, от непонятных для солдата-крестьянина идей защиты славянства, поддержания славы русского оружия и т. п. они нередко переходили к смутной, абстрактной, но отзывающейся в русской православной душе идеи борьбы «за правду» как главной мотивировке войны против Германии.

Конечно, и общество, и армия были весьма неоднородны, и вследствие этого достаточно дифференцированным было в них отношение к войне. Так, в дворянских, купеческих и даже мещанских городских слоях патриотические чувства, особенно в начале войны, были чрезвычайно сильны. Этот факт и его разительное отличие от изначальной не-

---

⁸ Священный порыв России на великий подвиг в защиту угнетенных братьев славян. Киев, 1914; *Сенигов И.* Почему Россия не может не победить Германию. СПб., 1914; *Орлов В. Г.* Как воюем мы и как воюют немцы. М., 1914; *Смерчинский Е.* Что делают немки, когда немцы воюют. Киев, 1915; Россия борется за правду. М., 1915; *Назаревский Б.* Война за правду. М., 1915; *Иваненко С.* О значении современной войны и о долге довести ее до победного конца. Беседа с нижними чинами. Казань, 1915; *Навоев П.* Что ожидает добровольно сдавшегося в плен солдата и его семью. Беседа с нижними чинами. Пг., 1916; и др.

популярности предыдущей, Русско-японской войны отмечают многие современники. Формы выражения патриотизма были разнообразны и многочисленны. Среди них и такие «символические», как торжественные молебны, шествия с портретами государя, хоругвями и знаменами, поздравительные письма и телеграммы, и т. п. Примером таких настроений может служить телеграмма генерала Курлова о верноподданнических чувствах обывателей города Риги от 11 марта 1915 г.: «Войска гарнизона, военные и гражданские чины, представители общественного самоуправления и население города Риги, вознеся благодарственную молитву Всевышнему по случаю падения Перемышля, повергают к стопам державного Вождя России Государя Императора одушевляющие их горячие чувства восторженной любви и верноподданнической преданности и просят представить Верховному Главнокомандующему вернопреданные пожелания и поздравления по случаю блестящей победы руководимой им во славу русского оружия Армии»⁹.

Другие формы проявления патриотических настроений относятся к категории действенных. Среди них были добровольчество, материальные пожертвования в пользу армии, помощь раненым и т. п. В широких слоях народа традиционно теплым было отношение к солдатам, отправляющимся на фронт, и к раненым, возвращающимся с передовой. «Простонародье здесь, как и повсюду, пожалуй, горячее отзывается на войну, — записал в августе 1914 г. военный корреспондент А. Н. Толстой. — Например, торговки булками и яблоками ходят к санитарным поездам, отдают половину своих булок и яблок раненым солдатикам. При мне к знакомому офицеру на улице подошла баба, жалобно посмотрела ему прямо в лицо, вытерла нос, спросила, как зовут его, офицера, и посулилась поминать в молитвах»¹⁰.

К активным формам проявления патриотизма можно отнести и подачу военнотружущими тыловых частей рапортов и прошений о переводе в действующую армию. Такие настроения были распространены как в аристократических «верхах» общества, так и в средних городских слоях. Вот что писал 24 апреля 1915 г. в прошении на имя своего крестного великого князя Петра Николаевича подполковник П. В. Аскоценский: «...Имея от роду 44 года и будучи совершенно здоров, считаю неудобным оставаться на административной должности, когда мои

---

⁹ Российский государственный военно-исторический архив (далее — РГВИА). Ф. 2020. Оп. 1. Д. 151. Л. 1.

¹⁰ Толстой А. Н. По Воьны // Первая мировая. М., 1989. С. 371.

братья по оружию проливают свою кровь за дорогого нам всем Государя Императора, православную веру и родное Отечество»¹¹.

Как следует из документа, в высших кругах общества официальная идеологическая формула «За Веру, Царя и Отечество!» принималась очень серьезно и искренне. Но она же, пусть и в несколько трансформированном виде, принималась и более широкими слоями, о чем свидетельствует, в частности, рапорт служившего на Дальнем Востоке подпоручика Сильниченко: «Стремясь лично и непосредственно принять участие в настоящей второй Отечественной войне против заклятых врагов Царя, России и Славянства ненавистных немцев, испрашиваю ходатайства Вашего Превосходительства о переводе меня в одну из тяжелых артиллерийских частей вверенного Вам корпуса»¹², — писал он 27 января 1915 г.

С такими просьбами обращались не только сами военнослужащие, но и их близкие родственники. Так, 8 марта 1915 г. из Риги на имя великого князя Николая Николаевича была послана телеграмма от матери вольноопределяющегося унтер-офицера Закржеского, который был уволен из армии после тяжелого ранения, «затосковал по любимому делу» и отказался оставить службу. И мать сама настоятельно просит направить сына в одну из автомобильных частей действующей армии!¹³

Именно широкое распространение патриотических настроений, особенно на начальном этапе войны, наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким определениям Первой мировой войны, как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их на большевистское определение войны как «империалистической» или более нейтральное — «германской».

Но все вышесказанное не отменяет того очевидного факта, что для основной крестьянской армейской массы война осталась во многом непонятной и чужой. Это обстоятельство отмечают многие современники, причем не только из радикального революционного лагеря, который не применил им воспользоваться в своих целях. О подобных настроениях пишет в своих записках сестра милосердия княгиня Лидия

¹¹ РГВИА. Ф. 2019. Оп. 2. Д. 19. Л. 563.

¹² Там же. Л. 312.

¹³ Там же. Л. 332.

Васильчикова, которая заметила, что военные действия вдали от собственного дома совершенно не волновали крестьян. Они были равнодушны к тому, кто оказывался победителем, но лишь до тех пор, пока война не затянулась и не было нарушено обещание, что она закончится к Рождеству. С этого момента крестьяне стали видеть в войне бесполезную затею в интересах лишь союзников России, сводивших счеты с германцами. Сыновей крестьян призывали на фронт, лишая хозяйство рабочих рук, и безразличное отношение к войне вскоре сменилось антивоенным. В этом Васильчикова отчасти видит причину успеха большевистской пропаганды в 1917 г., призывавшей солдат дезертировать, бросать оружие и возвращаться домой¹⁴.

Таким образом, уже в ходе самой войны в сознании большинства народа закрепились ее «непонятность», «ненужность», «непопулярность». В дальнейшем на это восприятие наложились еще более драматичные для России события — две революции и Гражданская война, а затем и отношение к Первой мировой со стороны победившей советской власти, активно и грамотно проводившей идеологическую обработку населения, в том числе и в области формирования отношения к историческим событиям, расстановке необходимых политических акцентов.

Действительно, огромное влияние на историческую память, на оценки минувших военных событий оказывают политические элиты, находящиеся в определенный период у власти и ориентированные во внешней политике на сохранение либо пересмотр итогов прошлых войн. В этом процессе, как правило, задействованы текущие геополитические, политические, экономические и другие интересы. В механизмах интерпретационных изменений исторической памяти особую роль играет влияние доминирующих смысловых контекстов общества, особенно его идеологические трансформации, как это и произошло в начале XX в. в результате Первой мировой войны и последовавших революций в России, Германии, Австро-Венгрии и ряде других стран. В этом контексте особенно сильно на историческую память народа влияла ретроспективная пропаганда, причем степень воздействия этого инструмента на массовое сознание оказалась столь мощной, что пропагандируемые события потеснили иные, гораздо более значимые для мировой истории, освещение и оценка которых были серьезно искажены.

---

¹⁴ Бовкун Е. Крушение старой России началось в августе 1914-го // Известия. 1994. 30 июля.

Тем самым наглядно высветилось такое явление социальной психологии, как отсутствие прямой, жесткой связи между масштабностью, объективной значимостью для страны события и его фиксированием в исторической памяти. В России яркий тому пример — Первая мировая война, потрясшая до основания все российское общество, но память о которой была вытеснена событиями революции и Гражданской войны. Для русского сознания именно они объективно стали гораздо большим испытанием, заслонившим мировую войну, почему она и оказалась на периферии общественного сознания своего времени. Однако не меньшую роль в этом «вытеснении» мировой войны сыграла идеологическая политика советского государства. Называвшаяся современниками Великой, Отечественной, Народной, при большевиках Первая мировая была радикально переосмыслена и переоценена, получила ярлык «империалистической» и «захватнической» с обеих сторон. Идеология новой власти отвергла ее как классово чуждую, развела участников по разные стороны баррикад, активно формировала в исторической памяти народа ее негативный образ, запретила героям носить царские награды, да и сами герои перестали считаться таковыми.

Героические символы Первой мировой

Особо следует поговорить о героических символах как феномене массового, во многом мифологизированного сознания.

Любая, а тем более крупномасштабная война является экстремальной для общества ситуацией, нарушающей привычное течение жизни, подвергающей жесткому испытанию существующую в мирных условиях систему ценностей, моральное здоровье общества, его психологическую устойчивость. Регулирование морально-психологического состояния общества является одним из важнейших факторов мобилизации его ресурсов в чрезвычайных военных условиях. А наиболее действенный инструмент такого регулирования — формирование **героических символов**, т.е. обобщенных социальных образцов индивидуального, группового, массового поведения, на которые общество ориентирует своих членов в аналогичных, значимых в данный исторический момент ситуациях. Символы приобретают значение самостоятельной социальной ценности, становятся предметом подражания в жизни и идеологическим инструментом широкого профиля — агитации, пропаганды и воспитания, прочно закрепляясь затем и в исторической памяти социума.

Первая мировая, спровоцировавшая в России внутренние революционные потрясения, закончившиеся распадом Российской империи и Гражданской войной, до сего времени носит ярлык неудачной для страны и непонятной для народа «проигранной» войны, несмотря на принадлежность к коалиции победителей. «Ряд за рядом направлялись мужественные, печальные, равнодушные лица в сторону запада, к неведомым боям за непонятное дело»¹⁵, — такими, например, увидел идущие на фронт русские войска летом 1915 г. американский корреспондент Джон Рид. А для подобных войн в исторической памяти как форме общественного сознания обычно находится не слишком много места. Поэтому не случайно в народной памяти практически не сохранилось героических символов Первой мировой войны. Но все же главной причиной подобной исторической «амнезии» явилось то, что германская война переросла в революцию, которая смела и старые ценности, и олицетворявшие их символы, заменив новыми. Закономерно, что советские люди в массе своей могли назвать немало имен «героев Гражданской» (разумеется, победителей-«красных»!), но уже через десяток лет не помнили никого из героев войны предшествующей, «империалистической», которая еще недавно называлась Отечественной. (Кроме, быть может, А. А. Брусилова с его знаменитым «брусиловским прорывом», и то в основном потому, что этот царский генерал перешел на службу к советской власти.)

Это не значит, что в Первую мировую был недостаток в героических символах: широко известными становились и полные георгиевские кавалеры, и представители нового рода войск — авиаторы. Например, безногие летчики Александр Северский и Юрий Гильшер, предшественники Алексея Маресьева¹⁶. И автор «мертвой петли», основоположник высшего пилотажа Петр Николаевич Нестеров, который 26 августа 1914 г. впервые в истории совершил воздушный таран и сбил двухместный австрийский самолет-разведчик. О его подвиге и трагической гибели широко извещали газеты. «...Как-то совсем неожиданно на глаза мне попался клочок газетной бумаги, — записал в своем дневнике офицер Л. Войтоловский. — Чувство брезгливости боролось во мне с нахлынувшим любопытством; я не видал уже газеты около трех

---

¹⁵ Рид Джон. Вдоль фронта // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 384.

¹⁶ Поляновский Эд. Русский американец // Известия. 1997. 12 апреля; Он же. Юрочка // Известия. 1996. 2 ноября.

недель и колебался недолго. В этом обрывке “Нового времени”, которое я узнал по шрифту, я прочитал о смерти штабс-капитана Нестерова. Было подробно описано его столкновение в воздухе с австрийским летчиком, завершившееся гибелью обоих пилотов. Сообщение было несколько раз перечитано вслух, и все заговорили о Нестерове»¹⁷.

Пресса была основным источником информации о героях-символах Первой мировой, а также средством их популяризации. Но не только она занималась пропагандой подвигов русских солдат и офицеров. Например, сведения о георгиевских кавалерах собирала учрежденная еще весной 1911 г. «Комиссия по описанию боевых трофеев русского воинства и старых русских знамен». В годы войны созданный при этой комиссии Военно-художественный отряд, куда входили художники и фотографы, запечатлевал для истории картины сражений, делал зарисовки подвигов, за которые воины награждались георгиевскими знаками отличия, создавал портретную галерею самих героев. Комиссия издавала специальную литературу, распространявшуюся среди населения, в том числе серию «Герои и трофеи народной войны»¹⁸.

Георгиевским кавалерам, которые воспринимались народным сознанием как истинно русские богатыри, в героической символике дореволюционной России принадлежало особое место. Солдатский знак отличия орден Св. Георгия был учрежден в 1807 г. и предназначался для награждения солдат, матросов и унтер-офицеров, которые «действительно выкажут свою отменную храбрость в борьбе с неприятелем». Заслужить солдатский Георгиевский крест можно было, только совершив боевой подвиг: захватив неприятельское знамя, пленив вражеского офицера или генерала, первым ворвавшись во время штурма в крепость противника или на борт его корабля, а также за спасение в бою знамени или жизни своего командира. Не случайно Георгиевскими крестами, дававшимися исключительно за боевые подвиги и отличия «в поле сражения, при обороне крепостей и в битвах морских», гордились больше, чем любыми другими наградами. В Первую мировую (к 1917 г.) 1-ю степень ордена получили (т. е. стали полными георгиевскими кавалерами) около 30 тыс. человек, а 4-й степенью было награждено более 1 млн воинов¹⁹.

¹⁷ *Войтоловский Л.* По следам войны // Первая мировая (Воспоминания, репортажи, очерки, документы). М., 1989. С. 508–509.

¹⁸ Родина. 1993. № 8–9. С. 156–157, 185, 191.

¹⁹ *Дуров В.* Георгиевские награды // Георгиевские кавалеры : в 4 т. М., 1993. Т. 1. С. 11–12.

Кого же из них мы знаем? И кого из отмеченных высшей наградой солдатской доблести можно отнести к героическим символам своей эпохи?

Георгиевским кавалером еще до создания знаменитого «батальона смерти» стала женщина — доброволец Первой мировой войны Мария Леонтьевна Бочкарева — фигура действительно символическая. Известно, что будущие «красные командиры» С. М. Буденный, В. И. Чапаев и некоторые другие имели Георгиевские кресты, однако в советское время данный факт старались не афишировать. Эти люди, несомненно, являлись символами, но уже другой, Гражданской войны, к которой «царские кресты» отношения не имели. Иметь награды старой русской армии при советской власти было небезопасно. Тем не менее во время Великой Отечественной войны многие солдаты — участники Первой мировой — с гордостью носили георгиевские знаки отличия: в обеих войнах врагом была Германия... Так, полный георгиевский кавалер донской казак Константин Иосифович Недорубов в Великую Отечественную был удостоен звания Героя Советского Союза, но при этом так и не стал символом ни одной из двух войн, в которых проявил доблесть.

Героиня Первой мировой сестра милосердия Римма Михайловна Иванова прославилась не только тем, что оказывала помощь раненым непосредственно на передовой, под огнем неприятеля. Когда командир роты и все офицеры были убиты, она приняла на себя командование и повела солдат на штурм вражеской траншеи, во время которого была смертельно ранена. Награжденная посмертно офицерским орденом Святого Георгия 4-й степени, Иванова оказалась единственной женщиной (если не считать учредившую орден императрицу Екатерину II), удостоенной этой высокой награды²⁰, но и она не превратилась в символ, сохранившийся в исторической памяти народа.

В то время главными национальными символическими фигурами, воплощавшими народный патриотизм, стали казаки, более близкие к народной аудитории по своему социальному облику²¹. Так, например, Кузьма Крючков — реальный герой, убивший в кавалерийской атаке нескольких немцев, превратился в персонаж лубочной пропа-

---

²⁰ Там же. С. 8–9; *Сенявская Е. С.* «Душа моя была уставшая...» // Родина. 1996. № 3. С. 101.

²¹ Из рецензии на монографию немецкого историка Х. Ф. Яана «Патриотическая культура в России в период Первой мировой войны». См.: Отечественная история. 1998. № 4. С. 187.

ганды — почти мифическую фигуру, собирательный образ лихого русского казака. В армии и среди гражданского населения распространялись брошюры и открытки (аналог листовок более позднего времени) с описанием его подвигов, сильно приукрашенных и преувеличенных.

Кто же такой Кузьма Фирсович Крючков и почему он оказался одним из главных претендентов на роль символа? Донской казак (род. ок. 1890 г.), первый георгиевский кавалер в войну 1914–1918 гг., к ее концу он имел два Георгиевских креста и две медали, т. е. даже не стал кавалером полного банта, хотя и был первым, получившим крест 4-й степени. Дослужился до звания подхорунжего. Его именем были названы папиросы и пароход, портреты печатались на первых страницах журналов, подвиг был запечатлен на многочисленных плакатах и лубках. Показательно, что на фронт, чтобы специально познакомиться с героем, приезжали столичные дамы. В Гражданскую казак К. Крючков сражался против большевиков. За боевые отличия в восстании против них на Дону был произведен в чин хорунжего. Погиб он в 1919 г. в бою под д. Лопуховка Саратовской губернии²².

В советское время (и далеко не случайно!) казаки воспринимались как «главная опора царизма», «душители революции», «белогвардейцы». Новая власть не только ликвидировала казачество как особое военное сословие, но и старалась вытравить саму память о нем. Поэтому и этот символ Первой мировой не закрепился в долговременной памяти народа, оставшись знаковой фигурой лишь своего времени. Однако интересно такое свидетельство. 14 декабря 1941 г., в разгар контрнаступления под Москвой, московский журналист Н. К. Вержбицкий записал в своем дневнике: «Боец Ибрагимов в один день из автомата, винтовки, штыком и гранатой уничтожил 70 солдат и 3 офицера. Получил Героя Советского Союза. Промелькнула о нем газетная заметка, и через два дня он забыт, как и тысячи других героев. А как при царе возились с Кузьмой Крючковым!»²³. В сознании людей образованных, современников и участников Первой мировой, это имя все-таки сохранилось. И здесь интересны как сами проводимые аналогии между героями двух войн, так и упрек к советской пропаганде, быстро забывающей солдатские подвиги. Но в целом можно констатировать, что Первая мировая

---

²² Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 728.

²³ Там же. С. 494–495.

война не оставила в исторической памяти россиян устойчивых героических символов.

Было приложено максимум усилий, чтобы вытравить все позитивные патриотические оценки войны, образцы проявленного на фронтах героизма, да и саму эту войну из народной памяти. Причем в качестве противопоставляемого образца поведения, возводимого в ранг героизма, средства пропаганды преподносили действия большевистских агитаторов по разложению русской армии и даже дезертирство. Именно Октябрьская революция и Гражданская война оказались в советское время главными пропагандируемыми событиями, причем средствами массовой информации, произведениями литературы и искусства (особенно кино) в сознание внедрялись героические символы-образцы новой эпохи: красные командиры, комиссары и партизаны (Чапаев, Котовский, Буденный, Лазо и др.).

Первая мировая в художественной литературе

Всем вышесказанным объясняется тот парадоксальный факт, что крупнейшее потрясение начала XX в. — Первая мировая война — в отечественной художественной литературе в отличие от зарубежной осталась преимущественно «в тени». В основном она была отражена в полухудожественных-полумемуарных произведениях малоизвестных авторов, выходявших в годы самой войны и сразу после ее окончания, которые не оставили заметного следа в литературе, хотя в качестве исторического источника представляют немалую ценность²⁴. Что касается произведений крупных советских писателей, то в них она, как правило, за редким исключением, проходила второстепенным фоном, так как их военная проза была посвящена преимущественно революции и Гражданской войне²⁵.

---

²⁴ См.: *Окунев Я.* Воинская страда. Пг., 1915; *Федорченко С.* Народ на войне: Фронтовые записи. Киев, 1917; *Лугин Н.* [*Степун Ф. А.*] Из писем прапорщика-артиллериста. М., 1918. *Ропшин В.* [*Савинков Б. В.*] Из действующей армии (лето 1917 г.). М., 1918; *Тимофеев Б.* Чаша скорбная. М., 1918; *Чемоданов Г. Н.* Последние дни старой армии. М.; Л., 1926; *Оськин Д.* Записки солдата. М., 1929; *Арамилев А.* В дыму войны. М., 1930; *Войтовский Л.* По следам войны. Походные записки. Л., 1931; *Падучев Вл.* Записки нижнего чина. М., 1931; и др.

²⁵ *М. Шолохов* «Тихий Дон»; *А. Толстой* «Хождение по мукам»; *Вс. Вишневский* «Война»; *Н. Тихонов* «Война»; *К. Федин* «Города и годы»; *С. Сергеев-Ценский* «Брусиловский прорыв» и др.

За пределами Советской России тема мировой войны продолжала волновать русских писателей-эмигрантов, однако среди созданных ими произведений на эту тему не оказалось действительно масштабных и заметных, хотя некоторые из них интересны как разновидность художественной мемуаристики. В то же время на Западе Первая мировая породила целый поток произведений, созданных в межвоенный период 1920–1930-х гг. и ставших классическими. В них проявились две противоположные тенденции. Одна из них, антимилитаристская, которую тесно связывают с получившим самостоятельную жизнь термином «потерянное поколение», предостерегала и предупреждала об опасности развязывания новой мировой войны²⁶, а вторая, напротив, психологически готовила войну, романтизируя и воспевая ее и подстегивая (особенно в Германии) реваншистские и милитаристские настроения²⁷. Причем характерно, что пацифистская тенденция доминировала в странах-победительницах, тогда как милитаристская — в странах, проигравших войну. Во многом это связано с объективными итогами Первой мировой, в которой потерпевшие поражение многое проиграли, но победившие, особенно с учетом заплаченной за это цены, — мало что выиграли. Бессмысленность «мировой бойни» была наиболее очевидна именно со стороны победителей. Эту позицию — в действительности массовую для непосредственных участников боевых действий — выражали писатели, которые сами еще недавно сидели в окопах в роли «пушечного мяса», а затем стали «голосом» своего поколения.

Одни исследователи считают, что к литературе «потерянного поколения» относятся все произведения о Первой мировой войне, которые вышли в свет в конце 1920-х — начале 1930-х гг., хотя и мировоззрение их авторов, и сами эти книги довольно разные. Другие включают в эту категорию лишь произведения, отражающие «вполне определенное умонастроение, некий комплекс чувств и идей» о том, что «мир жесток, что идеалы рухнули, что в послевоенной действительности нет места для правды и справедливости и что тот, кто прошел через войну, уже

---

²⁶ Анри Барбюс «Огонь» (1916); Ярослав Гашек «Похождения бравого солдата Швейка» (1923); Эрнест Хемингуэй «В наше время» (1925), «Фиеста» (1926) и «Прощай, оружие!» (1929); Арнольд Цвейг «Спор об унтере Грише» (1927); Эрих Мария Ремарк «На западном фронте без перемен» (1929), «Возвращение» (1931) и др., Ричард Олдингтон «Смерть героя» (1929) и др.

²⁷ Эрнст Юнгер «В стальных грозах» (1920).

не может вернуться к обычной жизни»²⁸. Но и в том и в другом случае речь идет о литературе, посвященной именно Первой мировой.

Что же такое «потерянное поколение» (или, в другой интерпретации, «погибшее поколение»)?²⁹ Это выражение, прозвучавшее в случайном разговоре применительно к молодежи, побывавшей на войне, и ставшее одним из самых распространенных литературных ярлыков XX столетия, получило известность благодаря Э. Хемингуэю, сделавшему его эпиграфом своего романа «Фиеста» («И восходит солнце»), вышедшего в свет в 1926 г.³⁰ Однако наиболее ярким выразителем мировоззрения «потерянного поколения» с его антивоенным пафосом считается другой писатель — Эрих Мария Ремарк³¹. Обычно в этой связи вспоминают его роман «На Западном фронте без перемен», который открывается эпиграфом, в котором также звучит слово «поколение»: «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов». Есть у Ремарка и другой роман — с символическим названием «Возвращение», об «отсроченных» последствиях войны, где с почти медицинской точностью описаны симптомы, признаки и проявления посттравматического синдрома у вернувшихся с войны фронтовиков. Так, один из персонажей романа сходит с ума от ужасов пережитого (типичной боевой психической травмы!); второй убивает своего соперника, с которым ему изменила любимая девушка; третий, узнав, что заразился на фронте сифилисом, кончает с собой; четвертый тайком пересекает границу, чтобы побывать на местах боев, и, окунувшись в прошлое, тоже кончает жизнь самоубийством; пятый погибает во время уличной демонстрации, оказав сопротивление полиции; шестого мучают воспоминания, военные сны, призраки погибших товарищей; а всех вместе — одиночество, страх перед будущим, непонимание и равнодушие окружающих. Чувствуя себя изгоями, герои

---

²⁸ См.: *Топер П.* Ради жизни на Земле. Литература и война. Традиции. Решения. Герои. М., 1985. С. 142.

²⁹ *Lost generation* (англ.), *verlorene Generation* (нем.), *génération perdue* (франц.) — переводится и как «потерянное поколение», и как «погибшее поколение».

³⁰ Рассказ об эпизоде, связанном с появлением выражения «потерянное поколение», см.: *Хемингуэй Э.* Праздник, который всегда с собой // *Хемингуэй Э.* Собр. соч. : в 4 т. М., 1968. Т. 4. С. 395.

³¹ См.: *Ремарк Э.-М.* На Западном фронте без перемен. Возвращение. Романы / пер. с нем. М. ; Харьков, 1999.

Ремарка отчаянно держатся друг за друга и всегда готовы встать на защиту брата-фронтовика, готовы к конфликту с властями, с «тыловыми крысами», со всем враждебно настроенным миром, в который никак не могут вписаться. «Мы все еще солдаты, хотя и не осознали это», — размышляет один из них. «...Мы больны. Война еще слишком глубоко сидит в нас»³², — говорит другой. Кульминация романа — суд над убийцей, бывшим фронтовиком. В лице прокурора его обвиняет лицемерное общество, сначала пославшее мальчишку на войну, где он научился убивать, а затем отторгнувшее его. В защиту обвиняемого выступают боевые товарищи, в свою очередь обвиняя само общество, сделавшее их такими.

Антивоенный пафос этого произведения отражает в первую очередь мировоззрение автора. Однако, сам того не подозревая, Ремарк дает весьма полное и подробное описание клинической картины «посттравматических стрессовых расстройств», в которую идеально укладываются ощущения, переживания и поведение его героев, страдающих крайней возбудимостью, раздражительностью, взрывными агрессивными реакциями, приступами депрессии, разного рода психогенными истерическими расстройствами, склонностью к суициду, и т. д. Кстати, в советской литературе межвоенного периода весьма ярким (но при этом едва ли не единственным) произведением, отразившим данное явление и соответствующий тип «потерянного» героя, а точнее — героини, стал рассказ Алексея Толстого «Гадюка» (1928 г.) — об участнице Гражданской войны, так и не сумевшей адаптироваться к послевоенным реалиям. И в этом случае Первая мировая оказалась «заслонена» последующими, более значимыми и драматичными для русского сознания событиями.

Наиболее известным представителем другой — милитаристской тенденции в литературе стал Эрнст Юнгер — идейный антипод Ремарка, «певец войны», ее романтики, героического начала, чудовищного напряжения моральных сил человека и преодоления трудностей. В своем автобиографическом романе «В стальных грозах», созданном на основе дневниковых записей, он убеждает читателей в том, что война — самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Именно в военных условиях человек проявляет свою истинную сущность, являя себя миру во время «танца на острие клинка», в момент пребывания между бытием и небытием. Многообразие

³² Ремарк Э.-М. Указ. соч. С. 483, 418.

жизненных форм упрощается до одного-единственного смысла: борьба, постоянный риск, балансирование на грани гибели, — все остальное становится незначительным и ничтожным. При этом чужая жизнь лишается какой-либо ценности, утрачивает всяческое значение: на войне управляет не разум, а глубинные «первородные» инстинкты — желание ощутить запах и вкус крови, принять участие в охоте на себе подобных. Иногда Юнгер буквально упивается натуралистическими описаниями смерти. «Наша работа — убивать, — пишет он, — и наш долг — делать эту работу хорошо». Война со всеми ее ужасами, страданиями и преступлениями интерпретируется им как приключение, высшее испытание человеческих качеств. По его мнению, война сама по себе есть оправдание любых действий³³. Эти взгляды убедительно характеризуют психологию «адреналиновых наркоманов», людей, зараженных «вирусом войны», больных «военным синдромом».

Творчество Юнгера, весьма популярное в послевоенной Германии, психологически готовило немецкую нацию к военному реваншу³⁴. Именно такими, а вовсе не пацифистскими, были распространенные настроения на стороне проигравших, прежде всего в Германии. Надежды на близкую победу, рухнувшие в результате ноябрьской революции 1918 г., несправедливость последовавшего затем Версальского мира, унижение и разорение страны — все это явилось фрустрирующими факторами немецкого национального сознания. И «певцами войны» стали не только вышедшие из окопов рефлексирующие «эстеты и интеллектуалы» (Э. Юнгер), но и новые политики. Не будем забывать, что «Майн Кампф» Адольфа Гитлера — продукт все тех же событий и тех же настроений, распространенных в послевоенной Германии.

---

³³ См. : *Junger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах : пер. с нем. СПб., 2000; Геронка и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э. Юнгера // *Философия человека: Традиции и современность*. М., 1991. Вып. 2 : сб. обзоров. С. 196–221; Э. Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372–384; *Toner П.* Указ. соч. С. 120–124.

³⁴ См. : *Junger E.* In *Stahlgewittern*. Berlin, 1920; *Юнгер Э.* В стальных грозах. Пер. с нем. СПб., 2000; Геронка и страх как модусы человеческого существования. Ранние произведения Э. Юнгера // *Философия человека: Традиции и современность*. Вып. 2 : сб. обзоров. М., 1991. С. 196–221; Э. Юнгер и «новый национализм» // *Пленков О.Ю.* Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997. С. 372–384.

* * *

Первая мировая война выявила широкий спектр психологических эффектов, связанных с отражением одного и того же события в исторической памяти разных стран, социумов, народов, социальных и иных слоев. Она выявила большую зависимость «официальной» исторической памяти от идеологии и политики и в то же время определенную автономность «стихийной» памяти массового сознания, питаемой непосредственным опытом широких слоев и отдельных личностей. Наконец, выявилась очень значимая роль «культурной фиксации» военного опыта в произведениях литературы, мемуаристики и т. д. Относительно кратковременная историческая память о Первой мировой войне — в масштабах поколения ее участников и современников — стала важным фактором дальнейшего развития мировой истории, повлияв на мотивацию реваншизма в потерпевших поражения странах, на реакцию «избегания» и нерешительности в отношении потенциального агрессора среди элит «западных демократий» накануне Второй мировой войны, вылившуюся в политику «умиротворения» Гитлера и Мюнхенский стовор. Более поздняя, «отсроченная» память о Первой мировой, безусловно, в массовом сознании была вытеснена более масштабными, значимыми, кровавыми событиями новой мировой войны, а в официальной исторической памяти — в политике, идеологии, системе образования и т. д. — Первая мировая война описывалась в соответствии с интерпретацией властных элит конкретных стран, в том числе и для обеспечения их текущих интересов с учетом международной конъюнктуры.